

**Славгородская община баптистов в 1920–1930-е годы:
возможности и границы политической адаптации
верующих в советскую эпоху**

В 1917 г. большевики пришли к власти не только во многонациональной, но и в мультиконфессиональной стране. Объявив тотальную войну религии и церкви, они, возможно, не представляли себе всей сложности поставленной задачи и того многообразия конфессий и деноминаций, которые им предстояло уничтожить или вытеснить на задворки общественной жизни в ходе борьбы за культурную гегемонию. Даже в таких популярных антирелигиозных советских лозунгах, как «Долой, долой монахов, раввинов и попов!», нашлось место только для главных противников на «антирелигиозном фронте». Однако уже в начале 1920-х годов большевики продемонстрировали понимание всей сложности ситуации и необходимости специального подхода к различным конфессиям¹. Изучение всей совокупности специфических направлений «церковной» политики, а также способов и методов ее практической реализации является одной из актуальных задач для исследователей церковно-государственных отношений.

В течение двух последних десятилетий в научный оборот был введен ряд ключевых документальных источников, а отечественные и зарубежные историки серьезно продвинулись в изучении политики советского государства в отношении религиозных организаций и, прежде всего, Русской православной церкви². Положение других конфессий

¹ Одним из значимых признаков этого стало создание в октябре 1922 г. специальной Комиссии по проведению Декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б), выступавшей в том числе в качестве эксперта по выработке специальной политической линии в отношении различных вероисповеданий.

² См. к примеру: *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; *Он же:* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1995; *Кративин М. Ю.* Противостояние: большевики и церковь (1917–1941). Волгоград, 1993; *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925. В 2-х книгах. Сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск, М., 1997, 1998; *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в

исследовано сравнительно слабее. По-прежнему слабо изученным остается целый ряд вопросов, касающихся конкретной реализации политики государства на местах, а также реакции верующих на его действия. В какой степени провинция следовала установкам Центра, имела ли у нее определенная «свобода рук», определявшаяся местной спецификой? Как или за счет чего общины противостояли давлению государства? При каких обстоятельствах они предпочитали адаптироваться, приспособиться, а при каких – оказывать пассивное или открытое сопротивление? Ответы на эти вопросы возможно получить только при изменении перспективы исследований.

В настоящей статье, написанной в жанре микроистории, ставится задача в ходе изучения жизнедеятельности одной из наиболее крупных протестантских общин макрорегиона – общины русских баптистов города Славгорода³, – проанализировать как направления, формы и методы борьбы власти с религией в Сибири, так и реакцию верующих, возможности и границы их адаптации к новым политическим реалиям.

Славгородская баптистская община, возникшая во время Первой мировой войны⁴, к 1920 г. насчитывала уже около 300 человек. Вместе с членами меннонитской общины численность протестантов в Славгороде достигла 600 человек, благодаря чему их деятельность преврати-

СССР в 1939–1964 гг. М., 1999; *Кративин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатов А. Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб, 2003; *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории русской церкви (1921–1925). М., 2004; *Luukainen A.* The Party of Unbelief. The Religious Policy of the Bolshevik Party 1917–1929. Helsinki, 1994; *Plaggenborg St.* Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Koeln, 1996; *Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki). 1922–1929.* In Übersetzung hrsg. von Ludwig Steindorff, in Verbindung mit Günther Schulz, unter Mitarbeit von Matthias Heeke, Julia Röttjer und Andrej Savin. Reihe: Geschichte: Forschung und Wissenschaft, Bd. 11, Berlin: LIT-Verl., 2007 и другие.

³ Славгород был основан в 1910 г., статус города получил в 1914 г. С 1917 г. по 1930 г. являлся административным центром одноимённого уезда, поочередно входившего в состав Алтайской и Омской губерний, и округа. С 1930 г. был центром Славгородского района Западно-Сибирского, с 1937 г. – Алтайского края.

⁴ Церковный меннонитский приход с центром в Славгороде был зарегистрирован властями в феврале 1914 г. В результате деятельности меннонитов в городе был построен молитвенный дом, что и послужило причиной быстрого распространения баптизма среди жителей Славгорода. Свой молитвенный дом баптисты выстроили уже в 1915 г.

лась в заметный фактор в жизни небольшого города, насчитывавшего около 10 тыс. жителей⁵. Это обстоятельство, в свою очередь, предопределило повышенное внимание к общине со стороны партийно-советских органов и органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Трижды – в 1920, в 1929 и в 1934 гг. – власти пытались дезорганизовать баптистов, лишив верующих молитвенного дома. Но, несмотря на гонения, община смогла отстоять свое легальное существование вплоть до начала «Большого террора», что позволяет на основе архивных документов и материалов печати проследить ее историю, несмотря на наличие ряда лакун.

В конце 1919 – начале 1920 г. в Сибири была восстановлена советская власть. Практически сразу же большевистское руководство Сибири продемонстрировало, что предпочитает не столько идеологические, сколько административные методы борьбы с религией. В качестве одного из наиболее действенных методов борьбы с «сектантами», приносящего быстрый и осязаемый результат, стала практиковаться конфискация молитвенных домов под различными предлогами.

Так, на заседании Славгородского уездного исполкома советов 7 июля 1920 г. было принято решение «ввиду крайнего квартирного кризиса в городе и, принимая во внимание, что в городе в то же время возникло молитвенных домов больше, чем того требует необходимость», разрешить занять молитвенные дома всех религиозных культов для временного размещения в них частей Красной армии⁶. Прибывший в Славгород для подавления крестьянского восстания 144-й батальон войск внутренней охраны был расквартирован в молитвенном доме, которым общины баптистов и меннонитов владели совместно. Активные протесты меннонитов и баптистов, направленные в уездный исполком, остались без ответа⁷. Безрезультатной была и жалоба Сибирского отдела Всероссийского союза баптистов в Сибирский революционный комитет⁸. 15 октября 1920 г. Славгородский уездный исполком вновь принял решение о закрытии молитвенных домов в городе для размещения в них отряда особого назначения⁹. Мотивируя свои действия перед Сибревкомом, руководство уездного исполкома 17 февраля 1921 г. сообщало о том, что «занятие молитвенных домов

⁵ В 1930 г. численность жителей Славгорода составляла 17,8 тыс. человек. (См.: Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 8. С. 18).

⁶ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 301. Л. 37. См. также ЦХАФАК. Ф. 364. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁷ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 523. Л. 12-13.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ ЦХАФАК, Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 117. Л. 60.

баптистов вызвано катастрофическим положением в г. Славгороде в квартирном отношении учреждений и школ». Дополнительную законность этим действиям, по мнению славгородских властей, придавало то обстоятельство, что молитвенные дома принадлежали частным лицам, а богослужения в них якобы начались еще не до революции 1917 г., а только «во время царствования Колчака»¹⁰.

Действия Славгородского уездного исполкома отражали широко распространенную в начале 1920-х годов практику, когда как городские, так и сельские власти решали «жилищные» затруднения, используя культовые здания. Летом 1920 г. Алтайский губернский исполком советов отобрал у евангельских христиан недавно отремонтированный молитвенный дом и разместил в нем склад местного отдела социального обеспечения¹¹. 10 ноября 1920 г. губисполком радикальным образом разрешил религиозный вопрос: основываясь на докладе председателя Алтайской губернской чека Х.П. Щербака, было принято решение распустить все религиозные общины Барнаула «ввиду их контрреволюционного настроения», а помещения молитвенных домов передать губернскому транспортно-мобилизационному отделу¹².

Обращений «сектантов» на притеснения со стороны местных властей было так много, что Президиум ВЦИК на своем заседании от 5 сентября 1921 г. рассмотрел вопрос «Жалобы различных организаций евангельских христиан» и постановил передать их в 8-й отдел Народного комиссариата юстиции для «принципиального» рассмотрения¹³. Месяц спустя, 6 октября 1921 г. заведующий отделом юстиции и заместитель председателя Омского губисполкома П. Г. Алимов обратился с запросом в 8-й отдел НКЮ о том, как поступать в ситуации, когда «сектанты», лишённые молитвенных домов, проводят молитвенные собрания в частных домах и на квартирах¹⁴.

¹⁰ ГАОО, Ф. 27. Оп. 1, Д. 65, Л. 15.

¹¹ ЦХАФАК, Ф.Р. 10, Оп. 1, Д. 465, Л. 1; ГАНО. Ф. 1. Оп. 1, Д. 222, Л. 146–148.

¹² ГАНО. Ф. 1. Оп. 1, Д. 222, Л. 66.

¹³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5, д. 238, Л. 131.

¹⁴ Там же. Л. 180. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилась любопытная записка «О сектантах Омской губернии» от 10 января 1922 г., автором которой был П. Г. Алимов и в которой он изложил преимущественно личные впечатления от общения с баптистами. В частности, Алимов писал: «С усилением переселенческого движения в Сибирь баптизм широкой и свободной волной начал разливать по необозримому пространству сибирской равнины. В Омской губернии это самая распространенная секта как в городах, так и в деревнях [...] Волна баптизма, особенно за последнее время, положительно захлестывает территорию Западной

В начале 1920-х годов Славгородская община баптистов стремилась распространить свое влияние не только на Славгородский, но и на близлежащие уезды. Об этом свидетельствует история проповедника Ф. А. Кузичева, активно занимавшегося прозелитизмом в ходе поездок¹⁵, которые однозначно воспринимались чекистами как закамуфлированное ведение антисоветской пропаганды и даже шпионажа. В январе 1921 г. Кузичев был арестован сотрудниками Татарского уездного политбюро. На допросе 22 января 1921 г. Кузичев показал, что в декабре 1920 г. он выехал в поездку, целью которой было посещение соседних общин и исполнение духовных треб. 23 января 1921 г. уполномоченный по политическим партиям Татарского политбюро С. Демин признал Ф. А. Кузичева виновным в ведении контрреволюционной агитации и передал дело в распоряжение Омской губчека. После двухмесячного следствия постановлением коллегии Омской губчека от 2 апреля 1921 г. Ф. А. Кузичев был признан виновным в том, что, не будучи освобожденным от трудовой повинности, не имея разрешения от уисполкома на поездки и не зарегистрировавшись у местных властей, являлся «дезертиром труда». В вину проповеднику также вменялось участие в собрании, на «котором дискредитируют трудовое население»¹⁶. Содержание под стражей закончилось для Кузичева 24 июня 1921 г., когда он был освобожден по распоряжению полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского. При освобождении Ф. А. Кузичева обязали дважды в месяц являться в Татарское уездное политбюро «для регистрации».

Сибири». В заключение Алимов сделал довольно нетрадиционный вывод о возможности сотрудничества большевиков и баптистов: «Принимая во внимание преданность баптистов общественному строю, привязанность к организованному общему труду (кооперация), по крайней мере теоретическое отрицательное отношение к частной собственности, присущее этой секте чаяние улучшения прежде всего народного быта, можно с уверенностью сказать, что баптизм представляет собою самую благоприятную почву для распространения и углубления социалистических идей, в частности – коммунизма». (См.: ГАРФ. Ф. 353. Оп. 6. Д. 10. Л. 13–17).

¹⁵ В условиях Сибири ведение т.н. евангелизации выливалось для баптистских проповедников и проповедников в дальние поездки. Так, проповедник Сибирского союза баптистов Н. Е. Екименко в 1922 г., обслуживая общины в районе Барнаула, Павлодара и Усть-Каменогорска, в течение пяти месяцев проделал около тысячи верст на лошадях, двух тысяч – на пароходах и восьмьсот – на поездах. Требование ограничить район деятельности проповедников местом их проживания станет в дальнейшем одним из ключевых для властей. ГАНО. Ф.П. 1. Оп. 2. Д. 299. Л. 107–111.

¹⁶ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 4849. Л. 2.

Достоверных данных об участии евангельских верующих в вооруженном сопротивлении коммунистическому режиму в 1920–1921 гг. власти по всей очевидности не имели. Но для коммунистов их оппозиционность была настолько очевидна, что именно верующие зачастую выдвигались на роль потенциальных идеологов восставших. Во второй половине сентября 1920 г. Алтайская губчека доносила в Секретный отдел ВЧК о том, что «под именем секты “евангелистов” различные контрреволюционные элементы ведут антисоветскую агитацию», а губчека, в свою очередь, принимает меры к «пресечению подобных явлений»¹⁷. Как следствие, секретным циркуляром от 28 ноября 1920 г. «О необходимости агитационной борьбы против развивающегося религиозного движения евангелистов и адвентистов» Алтайский губком РКП(б) потребовал от всех волостных бюро РКП(б) усилить антисектантскую пропаганду, а уездным политбюро было предложено «изъять организаторов»¹⁸.

Приказ ВЧК № 150 «Об усилении борьбы с контрреволюционным подпольем» от 1 декабря 1920 г. наглядно свидетельствует о том, что к концу 1920 г. евангельские церкви однозначно были отнесены ВЧК к наиболее опасным врагам советской власти. Заявив, что главной контрреволюционной силой стали эсеры и «другие соглашательские партии», руководство ВЧК утверждало, что для осуществления своей антисоветской деятельности эсеровское подполье вступит в контакт с «легализованными общинами евангелистов и толстовцев, под флагом которых контрреволюционеры собираются действовать исподволь и осторожно». Местным органам ВЧК приказывалось организовать постоянный учет всех членов социалистических партий, анархистов, а также «всех настоящих и бывших членов евангелическо-христианских и толстовских обществ», вести за подучетным контингентом «неослабное наблюдение для выяснения их знакомств, связей и т. д.» и «вливать в указанные партии и организации достаточное количество опытных, способных и вполне компетентных осведомителей, которым предписать принимать активное участие в их жизни»¹⁹.

¹⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998. С. 335.

¹⁸ ГАНУ. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 151. Л. 54. Славгородский уезд вошел в состав Омской губернии в январе 1921 г.

¹⁹ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. М., 2003, С. 373–374. Приказ подписан зам. председателя ВЧК И. К. Ксенофоновым и управляющим делами ВЧК Г. Г. Ягодой.

Каким образом и в каких формах осуществлялась борьба с «сектантами» на местах в 1921 г., наглядно демонстрирует деятельность партийных и чекистских органов Славгородского уезда. 19 января 1921 г. на заседании президиума Славгородского уездного комитета РКП(б) заведующий политбюро А. П. Узликов потребовал усилить работу «с контрреволюционными гнездами» различных религиозных общин, в первую очередь субботников и евангелистов, увеличив штат сотрудников политбюро за счет надежных партийных работников²⁰. Задача борьбы с сектантами была, по словам А. П. Узликова, поставлена на сибирском совещании председателей губчека и заведующих уездными политбюро²¹. Славгородский уком РКП(б) согласился со всеми предложениями чекиста, а также принял решение поручить агитационному отделу разработать методы антирелигиозной пропаганды.

Прямым следствием этого решения стал цикл антибаптистских статей, опубликованных в феврале-апреле 1921 г. в газете «Кулундинская правда», органе Славгородского укома РКП(б) и уисполкома. Их авторы преследовали две главные цели: доказать, что баптисты в социальном плане ничем не отличаются от православных священников, и дискредитировать их в качестве приверженцев пацифистских идей. Критическое отношение членов Славгородской общины баптистов к различным советским культурно-просветительным организациям, а также их нежелание разрешать юношеству вступать в члены Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) интерпретировались в газете как открытая антисоветская деятельность²².

Отказ баптистов по религиозным убеждениям служить в Красной армии был по утверждению редакции ничем иным как ханжеством и средством завербовать в свои общины больше молодежи: «Уполномоченным от союза баптистов является Ф. Кикоть, который ходатайствует перед нар[одным] судом не только за баптистов, но и за дезертиров, лишь бы назвались баптистами. [...] Сначала туда (в баптисты. – А. С.) шли потому, что баптистские попы обходились дешевле православных. Теперь идут, чтобы не защищать ненавистную этим паразитам советскую власть»²³. Все заметки были написаны в агрессивном тоне. В них утверждалось, что баптисты теперь «на земле не нужны», они «как черное воронье каркают над разлагающимся трупом старого мира»,

²⁰ ГАНО. Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 4

²¹ Более подробных сведений об этом совещании нет.

²² Опять баптисты // Кулундинская правда. 1921. № 18. 16 апр.

²³ Черные вороны // Кулундинская правда. 1921. № 14. 23 марта.

«необходимо этих шептунов выудить и заставить вместо языка поработать руками на благо государства» и т. д.²⁴

В конце февраля 1921 г. вопрос о борьбе с сектантством обсуждался на совещании инструкторов Славгородского укома РКП(б)²⁵. Как следует из сделанного на совещании сообщения А. П. Узликова, наблюдение за «сектантами» было организовано по всему уезду. Ни одно молитвенное собрание без разрешения политбюро не допускалось. Любые документы религиозных организаций, не заверенные в соответствующих советских органах, изымались. Для принятия «скорейших мер борьбы» заведующий политбюро предложил уездному комитету РКП(б) выпустить «два рода проектов: один – уведомляющий сектантов, другой – секретный, с указанием ячейкам мер к борьбе»²⁶.

Предложение было принято, и приказом Славгородского уисполкома, уездного политбюро и Омской губчека от 4 апреля 1921 г. до сведения «религиозных сект» уезда было доведено, что все религиозные собрания, съезды и конференции могут производиться только с ведома уисполкома. Организаторы любого собрания или конференции обязывались в предварительном порядке запрашивать разрешение уисполкома, указав время собрания и вопросы, предполагаемые к обсуждению. Неисполнение приказа влекло за собой привлечение к ответственности по «всей строгости военно-революционного времени». Наблюдение за выполнением приказа возлагалось на сельсоветы и волисполкомы²⁷.

Большая роль в борьбе с «сектантами» отводилась чекистской агентуре. Как следует из отчета Славгородского политбюро за июль – ноябрь 1921 г., «было установлено наблюдение через агентуру информации за религиозными сектами (меннонитами и евангелистами), которые [в] последнее время усиленно ведут противосоветскую агитацию, объединяя вокруг себя малосознательную молодежь города и деревни»²⁸. К этому времени агентура Славгородского политбюро насчитывала 370 человек: 30 осведомителей работало в городе и 340 – в уезде. Новый заведующий политбюро С. Т. Пилипенко намеревался к концу 1921 г. довести штаты агентов до 100 человек в городе и до тысячи – в уезде.

²⁴ Баптисты не лучше попов // Кулундинская правда. 1921. № 3, 5 февр.

²⁵ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 6.

²⁶ Там же. Д. 225. Л. 14.

²⁷ Кулундинская правда. 1921. № 17. 9 апр.

²⁸ ЦХАФАК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 18. Л. 3.

Не обошли своим вниманием власти и молодежные религиозные организации. По данным Славгородского укома РКСМ, в конце 1921 г. в уезде насчитывалось восемь таких организаций с невыясненным количеством членов, объединявших «молодежь крестьян, незначительную часть служащих, детей баптистов и [членов] других религиозных сект»²⁹. В конце декабря 1921 г. секретарем укома РКСМ был подготовлен секретный циркуляр, посвященный борьбе с влиянием сектантов на молодежь³⁰.

Действия местных органов власти органично вписывались в политику, выработанную партийно-советским руководством Сибири. 19 августа 1921 г. вопрос о баптистах обсуждался Сиббюро ЦК РКП(б). С докладом об отношении к религиозным сектам выступила секретарь Сиббюро ЦК В.Н. Яковлева. Поводом для выступления послужил циркуляр ЦК РКП(б), требовавший от партийных организаций благожелательного отношения к ряду «сект», якобы представлявших из себя «крестьянские коммунистические образования». Оговорившись, что партия переходит «от системы предварительной элементарной агитации, бьющей на чувство (вскрытие мощей и проч.) к системе более глубокой и основательной борьбы с религиозными верованиями», В.Н. Яковлева тут же отметила, что высшее партийное руководство Сибири, тем не менее, предпочитает придерживаться проверенных административных методов борьбы с «сектами». Выражая солидарную точку зрения членов Сиббюро ЦК РКП(б), его секретарь заявила: «Сиббюро признало нецелесообразным изменять запретительную тактику по отношению к баптистам», принимая во внимание, что «эта секта доказала свою классовую кулацкую сущность и зарекомендовала себя активными контрреволюционными выступлениями»³¹.

В начале 1922 г. руководство Сиббюро ЦК РКП(б), продолжая следовать «запретительной тактике», раз за разом отклоняло ходатайства верующих о проведении общесибирских съездов баптистов и евангельских христиан. Информировав ЦК РКП(б) о политическом и экономиче-

²⁹ ЦХАФАК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 18. Л. 70.

³⁰ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 54. Циркуляр от 28 декабря 1921 г. подписали секретарь укома РКП(б) А. Нелюбин, секретарь укома РКСМ П. Кириллов и заведующий политпросветотделом Соловей.

³¹ ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–3. За две недели до этого, 5 августа 1921 г., Сиббюро ЦК РКП(б) отклонило просьбу Сибирского отдела Всероссийского союза баптистов разрешить издавать свой печатный орган, предложив Сибирскому государственному издательству мотивировать отказ баптистам «недостатком бумаги». ГАНО. Ф.П. 1. Оп. 3. Д. 21. Л. 38.

ском состоянии Сибири, секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И. И. Ходоровский 5 января 1922 г. писал: «Новая хозяйственная политика и связанная с нею необходимость сугубо осторожного и тактичного подхода к религиозным пережиткам населения и, в частности, к сектантскому движению, вызвали некоторое оживление в таких сектах, которые являются, несомненно, политически опасными и вредными. Зашевелились баптисты, объединяющие наиболее зажиточные слои деревни и городского мещанства; баптисты возбудили перед губернскими органами в разных городах Сибири ходатайство о разрешении им губернских съездов и стали готовиться к сибирскому съезду. Сиббюро дало директиву никаких съездов баптистам не разрешать»³². Руководствуясь этой директивой, Сибревком в январе-феврале 1922 г. трижды отказал Сибирскому отделу евангельских христиан в проведении всесибирского съезда в Новониколаевске, мотивируя отказ «несвоевременностью созыва»³³.

Не добившись разрешения, верующие попытались заручиться поддержкой Москвы. 13 февраля 1922 г. председатель Всероссийского совета евангельских христиан (ВСЕХ) И. С. Проханов обратился во ВЦИК с жалобой на Сибревком, а Сибирский отдела ВСЕХ направил телеграмму М. И. Калинину и П. Г. Смидовичу³⁴. Реакция Сибревкома на последовавший запрос секретаря Президиума ВЦИК А. С. Енукидзе была жесткой и однозначной. Председатель Сибревкома С. Е. Чуцкаев заявил, сославшись на поддержку членов Сиббюро ЦК РКП(б) И. И. Ходоровского и Е. М. Ярославского, что причиной отказа послужили «явно враждебная позиция, занятая евангельскими христианами, и разрушительная работа среди населения, и главным образом, среди Красной армии»³⁵. 24 марта 1922 г. А. С. Енукидзе сообщил ВСЕХ об отклонении Президиумом ВЦИК соответствующего ходатайства.

Местные функционеры демонстрировали не меньшую, чем руководство Сибири, маниакальную подозрительность. Секретарь Славгородского укома РКСМ П. Кириллов в феврале 1922 г. предпринял попытку самостоятельно разоблачить «сектантский» заговор. Согласно его рапорту в Славгородское политбюро, 10 февраля 1922 г. Ки-

³² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 84. Л. 21.

³³ На Сибревком не оказало воздействия даже включение в повестку дня съезда доклада уполномоченного ВСЕХ о «немедленном выполнении продналога». См. ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 899. Л. 1–2.

³⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 64. Л. 41. 48.

³⁵ Там же. Л. 45.

риллоу вместе с комсомольцем Божковым проходил поздно вечером мимо молитвенного дома Славгородской общины баптистов и решил в него зайти. Так как двери были закрыты, секретарь отправился к окну, где был остановлен баптистом-«часовым». «Но, несмотря на все его старания, мне удалось заглянуть в окно внутрь здания, где я увидел около 10 человек, которые сидели и о чем-то вели разговоры»³⁶. Кириллов немедленно сам отправился с доносом в политбюро, оставив Божкова наблюдать за домом. Чуть позже последний его догнал и сообщил, что «баптисты сразу же потушили огонь и стали по одиночке выходить из дома»³⁷.

Кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей практически не затронула евангельские общины Сибири. В источниках не сохранилось каких-либо сведений о конфискации у них богослужебного имущества. Решающее значение здесь сыграли особенности отправления культа евангельских общин. Сохранился протокол совместного заседания Славгородского укома РКП(б) и уисполкома от 6 апреля 1922 г. с участием представителей всех религиозных культов. Общую позицию евангельских конфессий выразил руководитель славгородских баптистов Ф. И. Сергеев, заявивший: «У наших общин никаких ценностей не имеется, мы только можем издать воззвание по своим общинам о помощи голодающим продуктами, и эти воззвания должны быть подписаны только лишь представителем нашей общины». В противном случае, по мнению Ф. И. Сергеева, при наличии подписи представителя властей, воззвания не будут иметь «никакого успеха»³⁸. В результате предложение протестантов было принято.

В конце 1922 – начале 1923 г. ГПУ провело в ряде губерний широкомасштабную репрессивную акцию, направленную на ликвидацию общин евангельских церквей. Так, в Сибири в результате этой акции была фактически прекращена легальная деятельность всех евангельских конфессий³⁹. В ходе акции, согласно постановлению Славгородского уисполкома от 30 марта 1923 г., руководители 48 баптистских и меннонитских общин уезда были оштрафованы на 1,5 тыс. руб. или на

³⁶ ЦХАФАК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 18. Л. 16

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 884а. Л. 142–142 об.

³⁹ Подробнее о данной акции ГПУ см.: *Savin, Andrej Kirchenkampf in Sibirien 1922–1923. Über eine Vefolgungskampagne gegen nicht-ortodoxe Gemeinschaften.* In: *Glaube in der 2. Welt. Zeitschrift für Religionsfreiheit und Menschenrechte.* Zollikon, 1998, № 6, S. 27–31; Советская власть и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Сост. А. И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 20–29, 113–141.

три месяца принудительных работ каждый за невыполнение административных предписаний. Известно также, что Славгородский уисполком конфисковал и передал уездному военкомату под казармы для «временного» размещения переменного состава 36-го стрелкового полка молитвенный дом Славгородской меннонитской общины⁴⁰.

Сопrotивляясь репрессиям, большинства «сектантских» общин перешло на нелегальное положение. Рост популярности «сектантов» среди деревенского населения как гонимых и преследуемых мучеников, вынудил сибирские власти отказаться от массовых преследований, возобновить регистрацию общин и разрешить «сектантам» вести легальную деятельность. В Славгородском уезде общины вновь стали регистрироваться согласно приказа № 50 Славгородского уисполкома от 21 июня 1923 г. «О порядке регистрации религиозных общин»⁴¹.

Отказавшись от ликвидации общин евангельских церквей административными методами, чекисты сделали ставку на политику, направленную на разложение конфессий изнутри и провокацию конфликтов между различными религиозными течениями. Если в случае с православием, буддизмом и лютеранством в качестве предлога для конфликта был использован вопрос о реформировании, то для евангельских церквей «яблоком раздора» стало «добровольное» признание обязательности военной службы. При этом разложение «сектантства» не было единственной целью той сложной игры, которую чекисты начали в 1923 г. «Добровольный» отказ верующих от пацифистского кредо был вполне самостоятельной задачей, достижению которой органы ГПУ–ОГПУ и советско-партийное руководство придавали большое значение. В данной ситуации власти одновременно преследовали две цели: расколоть евангельские церкви, используя «военный вопрос», и решить проблему религиозного пацифизма, раскалывая при этом протестантов⁴².

В результате легализация деятельности протестантских общин в Сибири в 1923 г. проходила под влиянием дискуссии о признании во-

⁴⁰ Еще в августе 1925 г. эти здания были оборудованы нарами и топчанами и не были возвращены меннонитской общине. ГАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 370. Л. 52.

⁴¹ Путь пахаря, 1923, № 41, 23 июня.

⁴² Подробнее см.: *Савин А. И.* «Эта работа ... произведет соответствующее впечатление и на Европу». Из документов руководства ОГПУ СССР о методах борьбы с религиозными организациями в первой половине 1920-х годов // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 74–78; *Он же.* «Разделяй и властвуй». Религиозная политика советского государства и евангельские церкви в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. № 15 (75). С. 3–23.

енной службы с оружием в руках. Руководство Полномочного представительства ГПУ–ОГПУ по Сибири требовало: «Особое внимание все губотделы должны обратить на секты евангелистов и баптистов, выявляя их отношение к [...] службе в Красной армии, отмечая все случаи раскола, всемерно используя таковые»⁴³. Одновременно чекисты стремились отслеживать воздействие «религиозников» на бойцов и командиров Красной армии.

В это время в Западно-Сибирском военном округе (ЗСВО) началось создание первых территориальных частей, т. е. строительство армии на милиционной основе. Особую тревогу у партийного руководства Сибири вызывало то обстоятельство, что отказ протестантов от службы в территориальных частях мог стать причиной «увеличения баптизма» в деревне. 20 октября 1923 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) С.В. Косиор потребовал от секретаря Омского губкома партии и политдела 12-й территориальной дивизии, первой изсформированных в Сибири, при проведении сборов «самым решительным образом» пресекают уклонение сектантов от службы⁴⁴.

Особенно «баптистскими настроениями» были «заражены» части РККА, размещавшиеся в Славгородском уезде. Не в последнюю очередь это было связано с активной деятельностью Славгородской баптистской общины. В конце 1923 г., при расквартировании частей 12-й территориальной дивизии в Славгороде, зачастую использовались квартиры верующих, что дало им возможность «поработать» с красноармейцами. Под размещение частей был снова отведен молитвенный дом Славгородской баптистской общины – на этот раз на две недели. В 35-м полку 12-й дивизии было обнаружено 14 баптистов – красноармейцев, которые не рискнули во время призыва «заявить о своей принадлежности к сектантству»⁴⁵. «Вопрос о баптизме в Славгородском уезде в будущих формированиях приобретает серьезнейшее значение», – констатировал заместитель ПП ОГПУ по Сибири Б. А. Бак. На фоне дезертирства, членовредительства, симуляции различных болезней, нежелания красноармейцев принимать участие в возможных боевых действиях против Германии и массовых демобилизационных настроений, пацифизм «сектантов» расценивался как крайне опасный для армии⁴⁶.

⁴³ ГАНО. Ф.П. 1. Оп. 2. Д. 372. Л. 109.

⁴⁴ Там же. Л. 264.

⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 372. Л. 345.

⁴⁶ Там же.

Во второй половине 1920-х годов Славгородская община росла и развивалась, о чем свидетельствуют сообщения чекистов о регулярно проводимых баптистами театральными инсценировками на религиозные темы, деятельности баптистского кооператива «Братская помощь», «двухнедельниках» богослужений, преследовавших своей целью ознакомление рядовых верующих с евангельским писанием и переподготовку проповедников. Всего в 1925 г. в Славгородском уезде были зарегистрированы 22 общины баптистов (1 156 человек), семь общин евангельских христиан (273 человек), две общины молокан (560 человек), 22 общины меннонитов (5 016 человек) и две общины адвентистов седьмого дня (98 человек). По мнению руководства Омского губкома РКП(б), именно в Славгородском уезде сектантство было развито «наиболее широко», так как, уступая по количеству общин Омскому и Татарскому уездам, Славгород превосходил их по общей численности верующих⁴⁷.

В ходе начавшейся коллективизации деревни изошренная церковная политика ОГПУ, направленная на разложение конфессий и деноминаций изнутри, постепенно стала уступать место недвусмысленным административно-запретительным и репрессивным методам⁴⁸. Объявив о несовместимости колхозного строя и религии, местные органы власти начали массовое закрытие церквей и молитвенных домов в районах сплошной коллективизации.

Владение зданием церкви или молитвенного дома на законных основаниях являлось одним из главных условий легального существования общины, но оно же одновременно было и ее уязвимым местом. Лишившись прав собственника в 1918 г., верующие были обязаны, согласно договору с местным исполнительным комитетом о передаче молитвенных зданий и церковного имущества в пользование общин, нести расходы, связанные с «обладанием культовым имуществом»: по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов, местных сборов и т. п. В соответствии с этими условиями местные исполкомы собирали с общин налог со строений и арендную плату за землю, а также ряд иных сборов, причем зачастую они целенаправленно стремились взимать завышенные налоги, что создавало серьезные трудности в деятельно-

⁴⁷ Советская власть и евангельские церкви Сибири... С. 179.

⁴⁸ Анализ изменения политики партии и государства в отношении церкви в 1928–1929 гг. см.: *Савин А. И.* «Город Солнца»: к истории одной религиозной утопии в Советской России. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 45–49.

сти религиозных объединений. И, тем не менее, верующие предпочитали проблемы, связанные с содержанием культового здания, утрате общиной легального статуса.

Очередная кампания по ликвидации молитвенного дома баптистов в Славгороде началась в июле 1929 г., о чем свидетельствует опубликованное в газете «Степная правда» 10 июля 1929 г. требование служащих окружного исполкома, горсовета и окружного собеса «Долой молитвенные дома баптистов». В качестве основного контрреволюционного деяния баптистов назывались их собрания: «Баптисты за последнее время доходят до того, что поздним вечером собираются и без света о чем-то говорят. О чем они могут говорить в темном помещении? О всем, только не о боге, которым прикрывают свои сборища».

Еще более «преступным» было объявлено увеличение числа посетителей молитвенного дома. «Учитывая явно контрреволюционную деятельность» баптистов и возмущенные «безобразнейшим, доходящим до наглости, поведением баптистов», служащие потребовали расторгнуть арендный договор с баптистами⁴⁹. В этой статье и в последующих публикациях авторы газеты создавали мрачный образ молитвенного дома, который наделялся сверхъестественными свойствами: «огромное здание, явно вредное», «паутина, в которую заманиваются простаки», «ловушка капиталистов», «универсальная ловушка для темных и несознательных людей» и т. д. Ряд статей, появившихся в последующие дни, раскручивал маховик массовой кампании⁵⁰. Продолжавшаяся почти три недели травля баптистов прекратилась, как по мановению волшебной палочки, в конце июля 1929 г. Как следует из протоколов Славгородского окружкома ВКП(б), 27 июля на его заседании был заслушан вопрос «О неправильной линии редакции [газеты] «Степная правда» в отношении молитвенного дома баптистов в Славгороде». В вину редакции было поставлено неумелое освещение «мнения организованных масс города» и поддержка требований «административного отобрания» молитвенного дома. Однако тут же окружком частично реабилитировал газетчиков, заявив, что «острые перегибы в

⁴⁹ Долой молитвенные дома баптистов // Степная правда. 1929. № 156. 10 июля; Не допустим разгула сектантства // № 157. 11 июля; Классовый враг под прикрытием креста // № 163. 18 июля; Ждем решения горсовета // № 164. 19 июля; Закрыть все молитвенные дома // № 168. 24 июля.

⁵⁰ Степная правда. 1929. № 157. 11 июля.

сторону администрирования» вытекают из справедливого возмущения населения баптистской общиной⁵¹.

Дальнейшие публикации «Степной правды» дают основание утверждать, что молитвенный дом не был закрыт вплоть до конца 1929 г. 6 сентября 1929 г. собрания рабочих Славгорода вновь потребовали «ликвидировать баптистский молитвенный дом», так как в условиях военного конфликта на советско-китайской границе было необходимо разгромить потенциальных врагов в лице баптистов⁵². 30 и 31 декабря 1929 г. общие собрания служащих Славгорода еще раз возбудили ходатайство перед городским советом о закрытии молитвенного дома⁵³.

Славгородская община баптистов сумела сохранить свой молитвенный дом вплоть до марта 1930 г., когда в религиозной политике государства наметился очередной зигзаг. Сигналом послужила публикация 2 марта 1930 г. сталинской статьи «Головокружение от успехов», содержавшей в том числе резкую критику административных мер в борьбе с религией. 18 марта 1930 г. президиум Сибкрайисполкома в свою очередь принял решение возвратить без рассмотрения все ходатайства окружных властей о закрытии церквей, расследовать все случаи «искажения линии», привлечь виновных к ответственности. Дальнейшее закрытие культовых зданий было объявлено исключительно прерогативой крайисполкома⁵⁴.

К опробованным средствам также предпочли вернуться чекисты. В марте 1930 г. руководство ОГПУ СССР разослало своим подразделениям «Циркулярное письмо № 37 о состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ»⁵⁵. Констатируя, что «подавляющее большинство деревенского населения и даже часть бедняков были заражены религиозными предрассудками», руководство ОГПУ признало, что «мы не могли при этих условиях административно-оперативным путем ликвидировать церковь». Не отрицая необходимости применения административного давления и репрессий, циркуляр настаивал на тщательной подготовке и реализации этих мер, а так-

⁵¹ ГАНО. Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 1612. Л. 591.

⁵² Степная правда. 1929. № 203. 6 сент.

⁵³ Месяцем ранее Славгородский горсовет расторгнул договоры на пользование молевыми домами с общинами евангельских христиан и католиков. *Белковец Л. П.* Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). Москва, 1995. С. 35.

⁵⁴ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 111. Л. 214.

⁵⁵ За предоставленные сведения о циркуляре автор благодарит к. и. н. Наталию Рублеву (Киев).

же на приоритете специфических приемов, нацеленных на создание и поддержку конфликтных отношений внутри религиозных организаций.

Свою приверженность курсу на раскол конфессий органы ОГПУ продемонстрировали, попытавшись использовать в своих интересах очередную кампанию по перерегистрации всех религиозных общин и объединений, развернувшуюся в феврале 1930 г. Руководство Секретного отдела ОГПУ в лице начальника отдела Я. С. Агранова и начальника 6-го отделения Е. А. Тучкова потребовало от своих подчиненных связать ее «с проводимой нами работой по церковникам» и «в процессе перерегистрации использовать все агентурные возможности, ведущие к углублению раскола за счет других течений»⁵⁶.

Ряд чекистских аппаратов на местах, вяло отреагировавших на директиву центра, подвергся резкой критике со стороны Тучкова, который указал, что в результате «мы имеем ряд случаев, когда церковники и кулачество используют проводимую перерегистрацию для усиления религиозного движения и как одно из средств борьбы против колхозного строительства»⁵⁷. В результате Тучкову удалось направить кампанию по перерегистрации в требуемое русло.

Славгородская община баптистов успешно прошла перерегистрацию и вплоть до 1934 г. проводила богослужения в своем молитвенном доме. Осенью 1934 г. местные власти вновь попытались лишить ее культового здания, заняв его под хранение зерна. По данным Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР, на 1 января 1936 г. в СССР оставалось открытыми 30 543 молитвенных здания, из них функционировало 20 665, не функционировало – 9 878, при этом, как констатировал председатель комиссии П. А. Красиков, «не функционирующие 9 878 мол[итвенных] зданий фактически закрыты административно»⁵⁸. Перечисляя уловки, к которым прибегали местные власти («предлагают произвести ремонт в преувеличенных размерах и в явно короткий, невыполнимый срок; отказ в регистрации новых членов религи[озного] общества вместо выбывших из состава общества; наложение [санитарного] карантина на молитвенное здание, который впоследствии не снимается; отказ в регистрации служителя культа; начисление налогов в преувеличенных размерах и без всяких предложений единолично отдельными работниками села и района»), первой и наиболее распространенной уловкой Красиков называл следующую:

⁵⁶ Туминис М. ВЧК. Война кланов. М., 2004. С. 108.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2021. Л. 7–10.

«Засыпают ”временно” хлебом, а затем не возвращают верующим». В результате таких действий сотни районов вообще остались без молитвенных зданий⁵⁹. По «неполным данным», приведенным в спецсообщении Н. И. Ежова⁶⁰, в ноябре 1937 г. в СССР оставалось только 6 990 «легальных» церквей⁶¹, еще 7 123 церкви бездействовали, не будучи формально закрыты, что вызывало традиционные нарекания чекистов, так как «попы, монахи и церковные старосты всячески провоцируют верующих в местах наличия бездействующих, формально не закрытых церквей, на антисоветские выступления»⁶².

Сибирь не была исключением. По сведениям, имевшимся в Западно-Сибирском краевом исполнительном комитете, уже в 1933 г. под предлогом отсутствия складских помещений на местах практиковалось массовое занятие молитвенных домов и церквей под засыпку зерна и семян без санкции краевых властей⁶³. Осенью 1934 г. большое количество молитвенных зданий в крае оказалось «временно» занято под ссыпку зерна, которое в течение длительного времени, в том числе намеренно, не вывозилось из храмов. Молитвенный дом Славгородской общины евангельских христиан-баптистов был занят под хранение зерна 10 октября 1934 г. и освобожден только в конце 1935 г., после неоднократных жалоб верующих и соответствующего решения Комиссии по культурам при Президиуме ЦИК СССР⁶⁴. Используя молитвенные здания как зернохранилища, местные власти зачастую также выселяли из церковных сторожек проживавших в них священников или сторожей, заявляя, что это делается в интересах безопасности хранения хлеба. Практика использования формально действующих молитвенных помещений для хозяйственных нужд приняла в Сибири в 1934–1935 гг. такие размеры, что 7 апреля 1936 г. начальник УНКВД по Западно-

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2008. С. 407–414.

⁶¹ Из документа неясно, имел ли Н. И. Ежов в виду культовые здания всех конфессий или только православной церкви. В любом случае в сравнении с январем 1936 г. количество действующих молитвенных зданий сократилось в СССР в разы.

⁶² Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 408, 413. Еще около десяти тысяч зданий бывших церквей, закрытых постановлениями местных советов, никак не использовались или не были снесены, что также вызывало острую критику со стороны НКВД.

⁶³ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2006. Л. 168–170, 390.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 651. Л. 191. См. также: Куксенко Ю. Ф. Мои воспоминания. 2002. Неопубликованная рукопись.

Сибирскому краю В. А. Каруцкий вынужден был проинформировать председателя Западно-Сибирского крайисполкома Ф. П. Грядинского о том, что «в ряде районов местные власти, без санкции краевых организаций, закрывают церкви и занимают помещения для хозяйственных нужд местных организаций, чем создают нездоровые настроения среди верующего населения»⁶⁵. Но и в 1937 г. ситуация, в том числе в Алтайском крае, кардинально не изменилась.

Шанс окончательно решить «религиозный вопрос» представился чекистам в ходе массовых операций 1937–1938 гг. В тексте приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. требование «разгромить» «в прошлом репрессированных церковников и сектантов» не случайно следовало сразу вслед за упоминанием главной целевой группы операции – «кулаках».

В конце ноября 1937 г. народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов отправил И. В. Сталину «Спецсообщение о церковниках и сектантах», в котором подводились первые суммарные итоги операции по приказу НКВД № 00447 в отношении церкви⁶⁶. Этот документ, пожалуй, как ни один другой, раскрывает намерения московского центра в отношении решения «религиозного вопроса» в ходе предпринятой попытки тотальной «зачистки» страны от вредных «элементов».

Предыстория появления этого документа такова: 13 ноября 1937 г. заведующий отделом печати ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлис переадресовал Сталину письмо бывшего редактора газеты «Звезда», в котором речь шла о влиянии церкви в Белоруссии. Лапидарная резолюция вождя гласила: «Т. Ежову. Надо бы поприжать господ церковников». Народный комиссар внутренних дел СССР отреагировал незамедлительно. 15 ноября 1937 г., выполняя его указание, начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР разослал на места шифротелеграмму, в которой потребовал в течение суток представить материалы о репрессиях в отношении «церковников и сектантов» в течение августа - ноября 1937 г.⁶⁷

О том, как реагировали места на распоряжение Москвы, свидетельствует директива народного комиссара внутренних дел Украины

⁶⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 214. Л. 246.

⁶⁶ Документ опубликован: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 407–414. К сожалению, публикаторами не предпринята попытка более точной датировки документа, а также не указано, какая часть спецсообщения не опубликована, хотя в заголовке документа стоит «Из спецсообщения».

⁶⁷ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии... С. 272.

И. Леплевского от 17 ноября 1937 г. Он потребовал от всех начальников УНКВД в течение 24 часов сообщить: «1) количество арестованных церковников и отдельно сектантов за период август-ноябрь [с] подразделением по группам – епископов, попов, монахов, церковного актива, сектантских проповедников; 2) количество осужденных церковников и отдельно сектантов [с] указанием меры наказания [по] тем же группам; 3) количество попов и сектантских проповедников в области по отдельным ориентациям; 4) количество церквей действующих и отдельно бездействующих, формально не закрытых [по] отдельным течениям»⁶⁸. На основании поступивших с мест данных в конце ноября за подписью Ежова было составлено и представлено Сталину «Спецсообщение о церковниках и сектантах»⁶⁹.

В его преамбуле сообщалось, что «по этим элементам нанесен значительный оперативный удар», за четыре месяца осуществления «кулацкой операции» было арестовано 31 359 «церковников и сектантов», в том числе 166 митрополитов и епископов⁷⁰, 9 116 священников, 2 173 монаха, а также 19 904 человека, которых чекисты отнесли к «церковно-сектантскому кулацкому активу». Из них к расстрелу было осуждено 13 671 человек, в том числе 81 епископ, 4 629 «попов», 934 монаха и 7 004 человек «церковно-сектантского кулацкого актива». Таким образом, количество казненных «религиозников» составило 43,6 %, что ненамного меньше традиционного для «кулацкой» операции соотношения казненных и осужденных к заключению в лагерь, которое историки оценивают как один к одному.

По заверению Ежова, удар наносился исключительно «по организующему и руководящему активу церковников и сектантов», что привело практически к полной ликвидации епископата православной церкви, а сокращение примерно в два раза «количества попов и проповедников» – «к дальнейшему разложению церкви и сектантов». Названные Ежовым цифры «религиозников», оставшихся на свободе, свидетельствовали, с одной стороны, об объеме колоссальной репрес-

⁶⁸ Документ публикуется: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украине 1937–1938 гг. / Сост. М. Юнге, Р. Биннер, Б. Бонвеч. М, РОССПЭН, 2010.

⁶⁹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии, с. 407–414.

⁷⁰ 18 февраля 1930 г. в своем интервью иностранным корреспондентам митрополит Сергей сообщил о 163 действующих епископах РПЦ, занимавших на тот момент свои кафедры. Таким образом, численность высших иерархов РПЦ, репрессированных в ходе операции по приказу № 00447 к середине ноября 1937 г., превысило их совокупную численность в 1930 г.

сивной деятельности, уже проделанной НКВД, с другой – о том, какую работу предстояло выполнить чекистам: по неполным данным, на оперативном учете находилось еще 9 570 «попов» и «свыше 2 000 сектантских проповедников». Приведя многочисленные факты попыток создания «церковно-сектантским религиозным активом всех религиозных течений» единого антисоветского фронта, Ежов в завершении документа сообщил Сталину о том, что управлениям НКВД 17 областей, проявившим недостаточную активность, даны специальные указания «о немедленной ликвидации всех церковно-сектантских контрреволюционных формирований»⁷¹.

История разгрома Славгородской общины баптистов репрезентативно демонстрирует размах преследований евангельских верующих в ходе осуществления «кулацкой операции» НКВД. 21 июня 1936 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление «Об антирелигиозной работе в крае». Материалы, использованные при его подготовке, дают возможность представить общую картину положения евангельских церквей в Сибири в год, предшествовавший «Большому террору». Несмотря на то, что по заверениям краевого совета Союза воинствующих безбожников «сектантские организации» Сибири находились «в полосе распада», по чекистским данным, летом 1936 г. в крае насчитывалось около 340 сектантских общин различных толков, «а, включая мелкие группы и одиночек, – до 930 активно действующих точек сектантских религиозных организаций»⁷². Славгородская община в составе 104 человек была охарактеризована в постановлении как «одна из крупнейших организаций сектантов» в Сибири. Разгромить такое «гнездо церковников» было делом чести для органов госбезопасности.

Предвестником массовых репрессий в отношении членов Славгородской общины баптистов стало дело рабочих и служащих Славгородского железнодорожного депо. Зимой 1936 г. на сроки заключения от двух до пяти лет были осуждены руководитель Славгородской общины баптистов Ф. П. Васильев и члены исполнительного органа общины Е. И. Охрименко, Н. Е. Рябчун и А. В. Демкович. Им инкрими-

⁷¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии... С. 414. Более подробно см.: Савин А. И. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447/ Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., РОССПЭН, 2009, С. 303–342.

⁷² ГАНО. Ф.П. 3. Оп. 1. Д. 721. Л. 64.

нировалась пропаганда среди рабочих идей баптизма, публичные чтения Евангелия, посещение в рабочее время молитвенного дома⁷³.

В ходе операции по приказу № 00447 первая группа баптистов Славгорода была репрессирована в конце августа – сентябре 1937 г. в качестве составной части дела «шпионско-диверсионной организации среди сектантов Сибкрая» во главе с краевым уполномоченным евангельских христиан О.И. Кухманом⁷⁴. 23 августа 1937 г. в Славгороде по обвинению в организации баптистских «контрреволюционно-повстанческих организаций по ЗСК и в ряде других городов СССР», проведении антисоветской агитации и шпионской деятельности был арестован один из бывших видных деятелей Дальневосточного союза баптистов пресвитер С. В. Петров⁷⁵. Его деятельность оказалась настоящим «подарком» для чекистов – освободившийся в начале 1935 г. из заключения, Петров в поисках места пресвитера в 1936–1937 гг. посетил большое количество баптистских общин, проповедуя и встречаясь с их руководством⁷⁶.

Так как в 1935–1936 гг. С. В. Петров был членом Новосибирской общины баптистов и хорошо знал как руководителя баптистов Ф. П. Куксенко, так и уполномоченного евангельских христиан О. И. Кухмана, чекистам легко было представить его в качестве эмиссара «кухмановской» организации. Уже 4 сентября 1937 г. Петров «признался» в том, что якобы получил в конце 1935 г. задание от бывшего заместителя председателя Дальневосточного союза баптистов П. Я. Винса и Ф. П. Куксенко, которые в свою очередь якобы действовали от имени О. И. Кухмана, для усиления работы сектантской контрреволюционной повстанческой организации объехать в 1936 г. города Западно-Сибирского края, а также связаться с другими «сектантскими» организациями СССР⁷⁷.

Пять проповедей, прочитанные С. В. Петровым летом 1937 г. в молитвенном доме Славгородской общины, были использованы чекистами для обоснования включения Славгорода в общую схему общесибирского «сектантского» заговора. По делу «контрреволюционно-

⁷³ ОСД УАДАК. Ф.Р. 2. Оп. 7. Д. 11239.

⁷⁴ Подробнее см.: *Савин А. И.* Трагедия евангельских христиан. «Дело» пресвитера О. И. Кухмана (1937 г.). // Книга памяти жертв политических репрессий Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1. С. 394–404.

⁷⁵ ОСД УАДАК. Ф.Р. 2. Оп. 7. Д. 5861. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Л. 88–93.

⁷⁷ Там же. Л. 94.

повстанческой организации, существовавшей среди баптистов в г. Славгороде», вместе с С. В. Петровым в июле-сентябре 1937 г. были арестованы 13 баптистов во главе с проповедником общины Н. С. Аносовым. У всех арестованных в качестве доказательства их контрреволюционной деятельности были изъяты Библии и религиозная литература. Баптисты, если верить материалам следствия, активно и достаточно открыто вели в городе религиозную агитацию, «доказывая [...] правильность баптистского учения, так как это единственный путь спасения народа».

Практически от всех арестованных следствие добилось признания в организации вредительской деятельности на жизненно важных объектах Славгорода. Чекистам также было важно продемонстрировать интеграцию славгородских баптистов в сеть всесибирского «сектантского» заговора, поэтому от Н. С. Аносова они получили показания о том, с весны 1937 г. директивы о проведении вредительской деятельности якобы поступали в Славгород через С. В. Петрова от бывшего председателя Федеративного союза баптистов СССР Н. В. Одинцова⁷⁸. 19 сентября 1937 г. сотрудником Славгородского райотдела (РО) НКВД Ковешниковым было подготовлено обвинительное заключение, 26 сентября 1937 г. тройка УНКВД по ЗСК приговорила девять баптистов к расстрелу, трех – к десяти, двух – к восьми годам лишения свободы.

В ходе следствия по делу С. В. Петрова – Н. С. Аносова 25 августа 1937 г. руководством Славгородского РО НКВД было принято решение отдельно выделить дело «баптистов на элеваторе», в рамках которого 10 сентября 1937 г. тройкой УНКВД по ЗСК к расстрелу были осуждены рабочие Славгородского элеватора А. Т. Перекрест, Т. М. Гайдук, Г. Д. Гапченко, Е. И. Охрименко и И. Т. Калусенко. Все баптисты дали признательные показания о готовности провести диверсию в случае начала войны⁷⁹.

По другому «баптистскому» делу, выделенному из группового производства, тройкой УНКВД по ЗСК 1 октября 1937 г. были приговорены к различным срокам заключения милиционер Славгородского райотдела милиции А. П. Вервейко, рабочий кожаного синдиката Л. М. Клименко и

⁷⁸ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5861. Л. 112–114. Как доказательство их связи следствием были расценены призывы С. В. Петрова оказать материальную помощь административно-ссылным баптистам, в том числе председателю Федеративного союза баптистов СССР Н. В. Одинцову, находившемуся в тот момент в ссылке в Красноярском крае.

⁷⁹ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 8282. Л. 115–117.

служащий сельскохозяйственного техникума Р. К. Литке. А. П. Вервейко, сын репрессированного баптиста, был арестован 18 сентября 1937 г. за то, что передавал заключенным баптистам записки и предупредил об аресте баптиста И. М. Рубановича, который в итоге сумел скрыться. Обвинения в отношении двух остальных арестованных были стандартными – баптистская антисоветская агитация, устройство религиозных собраний в дни революционных праздников⁸⁰.

В качестве «филиала» Славгородской повстанческой баптистской организации также была репрессирована группа баптистов – рабочих Славгородского железнодорожного узла. В основу дела лег донос секретаря парткома депо Щ. в оперативный пост НКВД от 25 июня 1937 г. В доносе сообщалось, что «машинист депо Славгород Усачев (баптист) все время ведет антисоветскую агитацию», в частности на профсоюзном собрании заявил, что параграф Конституции, где говорится о свободе слова, не выполняется, а парторг и его помощники – проходимцы⁸¹.

Ф. В. Усачев действительно давно раздражал руководство депо. По показаниям одного из свидетелей, «в 1934 г. и в последующие годы от баптистов [...] на общих собраниях партийное и профсоюзное руководство и политотдел требовали, чтобы они перестали выполнять свои религиозные верования и отказались от них, в противном случае им предлагали оставить работу в депо». Усачев на собраниях вступался за товарищей, заявляя, «что нам до их религиозного верования нет дела и увольнять их за это нельзя, поскольку они к своей производственной деятельности относятся честно»⁸².

Наряду с Ф. В. Усачевым в июле-августе 1937 г. были арестованы шестеро баптистов – рабочих и служащих железнодорожного депо. В качестве «организатора и руководителя диверсионно-террористической группы баптистов на Славгородском железнодорожном узле Омской дороги» чекистами был выбран кассир В. П. Хохлов, якобы действовавший по указанию Н. С. Аносова. До ареста он отличался тем, что наиболее активно проводил «баптистско-контрреволюционную агитацию среди рабочих», распространял собственноручные записки, в которых «восхвалялась какая-то другая жизнь, которую можно достигнуть через баптистскую организацию»⁸³. В. П. Хохлов был нужен чекистам еще и потому, что он вступил в Ом-

⁸⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5976. Л. 50–51.

⁸¹ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 11239. Л. 1–2.

⁸² Там же. Л. 186.

⁸³ Там же. Л. 30.

скую баптистскую общину в 1919 г. и был хорошо знаком с ее пресвитером И. Е. Кондратьевым. Последний был в июне 1937 г. арестован как глава повстанческой баптистской организации в Омске, и показания Хохлова о том, что он завербован Кондратьевым, послужили для чекистов еще одним доказательством существования всесибирского баптистского заговора⁸⁴. От баптистов следствие добивалось признания о том, что в августе 1936 г. они готовили крушение поезда с правительственным вагоном, в котором в Славгород должен был приехать Р. И. Эйхе.

Данные в ходе следствия показания одного из обвиняемых, проповедника Н. Н. Попова, могут расцениваться как кредо религиозных диссидентов конца 1930-х годов. Категорически отрицая свою принадлежность к террористической группе, он не отрицал своего неприятия советской власти: «Я не скрываю, что я противник проводимых репрессий советской властью, заключавшихся в том, что за последнее время много посадили людей, я бы сказал, невиновных, которые в данное время томятся в тюрьмах, а поэтому большинство баптистов [...] ставили своей целью разъяснять народу существующую несправедливость в управлении государством коммунистами. [...] Я и мои сообщники призывали рабочих и служащих вступить в общину баптистов и убеждали их, что они могут получить единственное спасение и душевное удовлетворение, находясь в общине»⁸⁵. 10 октября 1937 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила шестерых баптистов к расстрелу, одного – к 10 годам лагерей.

Таким образом, в 1937 г. было репрессировано все руководство и актив общины, 20 человек (69 %) – расстреляны, 9 (31 %) – заключены в лагеря. 15 человек из них подверглись аресту в июле 1937 г., то есть в ходе подготовки массовой операции, в так называемый «предоперационный период», что означает наличие на них у органов НКВД компрометирующих материалов. Помимо членства в баптистской общине, вхождение в «группу риска» обуславливалось для них принадлежностью к дискриминируемым группам населения. Так, из 14 человек, проходивших по делу «Петрова – Аносова», шестеро скрылись от раскулачивания, пятеро были ранее осуждены, из пяти баптистов, рабочих элеватора, трое отбыли сроки наказания, один укрылся от раскулачивания.

В феврале 1938 г. органы НКВД произвели дополнительную «зачистку» среди членов общины, арестовав 15 февраля 1938 г. 11 верую-

⁸⁴ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 11239. Л. 95, 98–99, 106.

⁸⁵ Там же. Л. 118.

щих⁸⁶. После арестов 1937 г. дезорганизованную общину возглавил проповедник С. К. Мищенко, приехавший в Славгород в 1936 г. из Казахстана. В сфальсифицированном работниками Славгородского РО НКВД деле он закономерно проходил как руководитель группы. От него, как и от остальных обвиняемых, добились показаний о подготовке вредительской деятельности «на случай интервенции». 11 марта 1938 г. пятеро баптистов были приговорены к расстрелу, шестеро – к 10 годам лагерей.

Большинство арестованных по данному делу также ранее лишались избирательных прав, раскулачивались или отбывали заключение. Так, Ф. С. Усаченко имел «кулацкое» хозяйство, в 1930 г. был лишен избирательных прав и арестован за контрреволюционную деятельность. За антиколхозную агитацию в 1929 г. осуждался И. Г. Кириченко, М. Ф. Тарашук в 1929 г. скрывался от выселения, его хозяйство подверглось распродаже. Трое из пяти арестованных женщин – Д. И. Аносова, А. З. Вервейко и М. А. Перекрест – являлись женами баптистов, репрессированных в 1937 г. Как писал Й. Баберовски, «дилеммой большевистского насилия было то, что оно само создавало врагов, которые потом подвергались преследованию [...] Эти люди являлись постоянной угрозой, так как они относились к режиму с враждебностью и дистанцировались от него. Придуманный враг становился врагом настоящим»⁸⁷.

От последнего удара община уже не смогла оправиться. 8 мая 1938 г. Оргбюро ВЦИК по Алтайскому краю приняло решение о закрытии молитвенного дома баптистов в Славгороде, «учитывая, что бывшая группа баптистов в количестве 42 человек от аренды молитвенного здания отказалась, здание с 1937 г. не используется»⁸⁸. 20 сентября 1938 г. здание молитвенного дома было передано Славгородской школе механиков. Свою деятельность община легально смогла возобновить только спустя 18 лет – в 1956 году⁸⁹.

Из статистического отчета о работе органов НКВД СССР за 1937–1938 гг. известны общие цифры «церковников и сектантов», репрессированных в ходе операции по приказу № 00447: 37 331 человек за

⁸⁶ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 7237. Л. 1.

⁸⁷ *Baberowski, J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Deutsche Verlags-Anstalt, München, 2003. S. 115.*

⁸⁸ ЦХАФАК. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

⁸⁹ Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998). Барнаул, 1999. С. 372.

1937 г. и 13 438 – за 1938 г., всего – 50 769 человек⁹⁰. В относительных цифрах верующие всех конфессий — священнослужители и актив общин — составили около 6,6 % от жертв «кулацкой операции».

В 1981 г. американский историк Р. Пайпс писал: «О том, насколько поверхностной была приверженность христианству в массах, свидетельствует относительная легкость, с которой коммунистическому режиму удалось выкорчевать православие в сердце России и заменить его собственным эрзац-культом. С католиками, евреями, мусульманами и сектантами сделать это оказалось куда сложнее»⁹¹. Спустя почти тридцать лет можно утверждать, что этот тезис в общем и целом выдержал проверку временем. И если в отношении «легкости» победы над Русской православной церковью все же есть определенные сомнения, то способность «сектантов» сохранять и воспроизводить свою веру в условиях «современной диктатуры» не подлежит сомнению.

История Славгородской общины баптистов подтверждает, что евангельские верующие умело адаптировались к неблагоприятным политическим условиям 1920-х – 1930-х годов и, как правило, шли на компромисс с властью, стремясь сохранить свой легальный статус и молитвенные дома. Положительным фактором для выживания были также демократичность культа и практическое отсутствие церковной иерархии, позволявшие верующим в случае повышения «градуса» давления со стороны властей вести религиозную жизнь уже нелегально. И только такая экстраординарная карательная акция, как операция по приказу № 00447, смогла на короткое время привести деятельность евангельских верующих к коллапсу.

⁹⁰ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 172; Binner R., Junge M. Vernichtung der orthodoxen Geistlichen im der Sowjetunion in den Massenoperationen des Großen Terrors 1937–1938 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 52, 2004. Н. 4. S. 523. Эти же цифры приводятся О. Б. Мозохиным. См.: Мозохин О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2006. С. 337, 341.